

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

— Кажется, все уже не раз и обстоятельно обсуждалось; и ваш приход в театр, и семья, и дом, и хобби... Потому хотелось бы начать с самых свежих впечатлений, скажем, с вашей новой роли — полковника Тителя из кинофильма «Факт».

— Полковник Титель значительно отличается от прочих персонажей «Факта» уже самим принципом драматической обрисовки. Если все остальные представлены эпизодически, без углубления в историю их жизни, характер и образ мыслей, то сущность Тителя раскрывается с исчерпывающей полнотой в его монологе о чужом: чужом языке, чужих детях, чужом пении птиц. Титель акцентирует мысль о том, что инстинкт враждебности ко всему чужому сохранили звери, люди же — его утеряли. Этот инстинкт надо всячески возрождать и поощрять. Иначе сам будешь уничтожен.

— Как же вы искали пластическую характеристику образа?

— Во многом тут помогли пробные съемки. Пришлось

поступать с пресловутым «привычным багажом» на сцене? Разве хорошо выученный текст не становится таким же привычным, как уютная и бесформенная домашняя одежда?

— Надо обязательно требовать от себя непривычности. Перед каждым спектаклем необходимо сосредоточиться, еще раз все обдумать, освежить мысль, искать новые творческие стимулы. Этого всегда от нас требовал наш большой режиссер Мильтинс. Он ненавидел равнодушие. У нас не было окончательно отрепетированных спектаклей, которые после премьеры были бы представлены воле судьбы.

— Скажем вы репетируете хорошую пьесу, и у вас этот так называемый материал есть. И вдруг: «Не понимаю, не могу играть!». Помните, в фильме «Там, за дверью», созданном пятнадцать лет тому назад режиссером А. Даусой, зафиксирована репетиция пьесы В. Борхерта в Паневежском драматическом театре. Что значит это ваше «не пони-

Вот, например, «Мертвый сезон». Фильм по инерции ругали. Обвиняли в непохожести на другие, а авторов — в нарушении правил игры. Инерция мышления...

В прошлом году на Кубе, проходил фестиваль нового кинематографа Латинской Америки, а после него — симпозиум. Большим успехом там пользовался привезенный нами «Солярис». Состоялась обширная дискуссия и об этом фильме, и о творчестве Тарковского вообще. Аудиторию волновали проблемы гуманности человеческих отношений, любви, самопожертвования. Какой должна быть любовь, что такое гуманность — на эти вопросы искали ответы все великие писатели: Толстой, Достоевский... Сказал свое слово и Тарковский. Средствами фантастики ему удалось очень глубоко исследовать проблему ответственности человека перед человеком. Взаимное непонимание, недоброжелательность — это во все времена приводило к трагическим последствиям.

— Почему вы — популярный актер стали режиссером Паневежского драматического театра? Не было ли и у вас столь часто встречающегося ныне среди актеров «режиссерского комплекса»?

— Ни в коем случае. Мой приход в режиссуру продиктован объективными обстоятельствами перенять должность... Не хотелось, чтобы это место занял «чужак со стороны», которому чужды традиции нашего коллектива и принципы нашего театра. Беречь и обогащать опыт своего театра — такая общая наша цель. Принять эти обязанности я считал своим долгом, хотя с удовольствием уступил бы их кому-нибудь другому. Режиссерская работа не приносит мне радости. Я — актер.

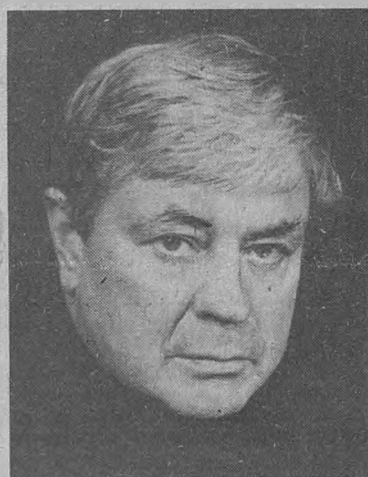
— И последний вопрос. Вы первый раз гостите в нашей республике, расскажите о ваших впечатлениях.

— Да, я и моя жена впервые в Армении, но это ни в коем случае не значит, что впервые знакомимся с ней, с ее историей, с ее культурой. У меня много друзей среди моих армянских коллег — Армен Джигарханян, Сос Саркисян, Мгер Мкртчян, Владимир Мсрян...

Однако я должен признаться, что впервые мне выпала счастливая возможность познакомиться с пьесами армянских авторов. Мне особенно понравились спектакли «Последний учитель» В. Петросяна и «Зов богов» П. Зейтунцяна. Кстати, пьесу В. Петросяна «Последний учитель» мы собираемся поставить у нас, на сцене Паневежского театра.

Неизгладимое впечатление оставляют исторические памятники армянской земли. Музей в Сардарапате, Детская картинная галерея. Впечатления мои еще настолько свежи, что сказать большее я не в состоянии.

Это мой первый приезд, основа, как говорится, заложена и благодаря театру «Дружба» наши встречи продолжатся. Скоро я вновь приеду в Армению и на этот раз вместе с коллективом нашего театра. Так что — до скоро свидания. Беседу вел Ф. Бахчинян.

„Хотел бы жизнь начать с нуля“

Недавно в нашей республике гостил народный артист СССР, главный режиссер Паневежского драматического театра Донатас Банионис. Наш корреспондент встретился с Донатасом Банионисом и имел с ним беседу.

подумать над гримом, освещением, костюмом, попытаться найти сочетание «цветов». Без таких проб в кадр идти невозможно.

— Но ведь у пробных съемок есть еще и другая функция?

— Да, к сожалению. Часто они становятся экзаменом на профессиональное мастерство. То есть покажи-ка, что ты можешь. А что я могу? Могу только ошибаться. Вся работа еще впереди — поиски, размышления, сам процесс творчества...

— Кстати, о процессе творчества. Я понимаю, что нельзя просить художника открыть в нескольких словах тайны творческой «кухни».

Помогает ли актеру опыт, или же каждый раз приходится начинать с нуля?

— Начать с нуля — это было бы идеально. Однако практика показывает, что бывает как раз наоборот. Каждую новую работу начинаешь со старым багажом и отказываться совсем от него невозможно. Опытность в искусстве только мешает. Найденный однажды арсенал средств становится штампом, манерностью.

— Как же в таком случае

маю» и та жестокая реплика режиссера: «Не понимаешь? Нечего тогда идти на сцену — здесь надо понимать?»

— Из множества отснятого материала Дауса выбрал тот единственный момент, дающий весьма превратное представление о режиссерском методе Мильтинса. Эти слова вовсе не означали, что он не может или не хочет помочь актеру. Тут все гораздо сложнее. У Мильтинса всегда была своя концепция, и он прекрасно знал, чего хочет от актера. Но для него было очень важно, чтобы актер сам, своими силами, доискивался до смысла роли, эпизода, реплики, чтобы понял подтекст. Он требовал, чтобы творческий процесс стал твоим, тогда придут и силы, и темперамент, и горячность. Нет своего восприятия — будет лишь имитация жизни, иллюстративность.

— Вам часто приходится встречаться со зрителями и театра, и кино. Всегда ли вы чувствуете, что вас понимают? Ведь сложное иногда удается постичь далеко не сразу?

— Да, в моей творческой практике такие случаи бывали, однако, объяснить это — не берусь.